

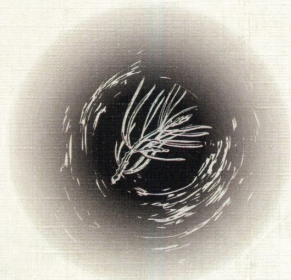
84(2=411.2)6-5

М39

СА-370196

Владимир Маяковский

Всем — вместо письма

Владимир Мајаковски

Свима — уместо писма

Владимир Маяковский

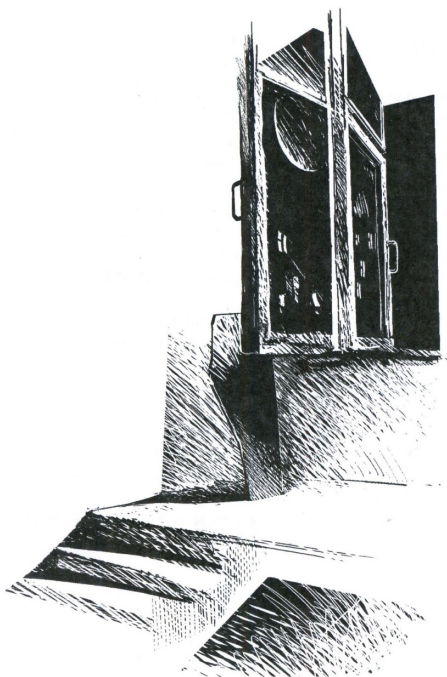
ВСЕМ — ВМЕСТО ПИСЬМА
Избранные стихотворения

Вахазар

Тот,
 кто постоянно јасен —
тот,
 по-моему,
 просто глуп.

Тај,
 што је непрекидно јасан —
по мени,
 просто глуп,
 бити мора.

«Из стольких-то и стольких-то котлет миллионов — твоих четыреста тысяч».

[1915]

Вот так я сделался собакой

Ну, это совершенно невыносимо!
Весь как есть искусан злобой.
Злюсь не так, как могли бы вы:
как собака лицо луны гололобой —
взял бы
и всё обвыл.

Нервы, должно быть...
Выйду,
погуляю.
И на улице не успокоился ни на ком я.
Какая-то прокричала про добрый вечер.
Надо ответить:
она — знакомая.
Хочу.
Чувствую —
не могу по-человечьи.

Что это за безобразие!
Сплю я, что ли?
Ощупал себя:
такой же, как был,
лицо такое же, к какому привык.
Тронул губу,
а у меня из-под губы —
клык.

Скорее закрыл лицо, как будто сморкаюсь.
Бросился к дому, шаги удвоив.

Бережно огибаю полицейский пост,
вдруг оглушительное:
«Городовой!
Хвост!»

«Од толиких и толиких котлета милиона
твоји су четиристо хиљада».

[1915]

Ево, како сам постао пас

Но, ово је сасвим неподношљиво!
Колико ме има, сав сам злоробом изуједан.
Лијем жуч не тако ко ви што би:
Ко пас, месец, ћелав и ледан —
зграбио бих
и увио цео бих.

Нерви, засигурно...
Крећем
да прошетам.
Но, ни напољу мира нема ми.
Једна ми довикну нешто као добро вече.
Ред је да се одговори —
позната ми.
Хоћу.
Но, осећам —
не умем људски да зборим.

Какво ли је то дивљаштво?
Сањам ли све?
Опијавам се:
Исти сам као и пре,
лице оно на које сам навико.
Усну дотакнем, чак.
Када, испод усне —
очњак.

Брже сакривам лице, као, издувавам нос.
Па кораке кући удвостручим ја.

Крај полицијске станице журим, што пре,
кад, зачујем јако:
«Полиција!
Реп!»

Проверив рукопись
построчно,
гроши отсыпал казначей.
Бояться вам рожна какого?
Что
против — Пушкину иметь?
Его кулак
навек закован
в спокойную к обиде медь!

[1916]

Себе, любимому, посвящает эти строки автор

Четыре.
Тяжёлые, как удар.
«Кесарево кесарю — богу богово».
А такому,
как я,
ткнуться куда?
Где для меня уготовано логово?

Если б был я
маленький,
как Великий океан, —
на цыпочки б волн встал,
приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне,
такую, как и я?
Такая не уместилась бы в крохотное небо!

О, если б я нищ был!
Как миллиардер!
Что деньги душе?
Ненасытный вор в ней.
Моих желаний разнузданной орде
не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным,
как Дант
или Петрарка!

Проверивши рукопис
ред по ред,
к благајнику по паре поћи.
Што да вас страхови освете даве?
Шта,
попреко — Пушкин да гледа?
Његова је песница
закована вавек
у бронзу далеку од увреда!

[1916]

Себи, вољеном, посвећује ове редове аутор

Четири,
тешке као удар.
«Цару цареву — богу боже».
А овакав
ко ја
може ли куда?
Где су за мене прострте ложе?

Када бих мален
био
ко Велики океан —
пропео бих се са вала
па нежност на луну лио.
Где да нађем вољену
овакву као ја?
У мала небеса не би ни стала!

О, кад бих сиромах био!
Ко милијардер!
Ал шта ће души паре?
Незасит лопов из ње зија.
Мојих жеља хордама, што жаре,
мало је злато свих Калифорнија.

Када бих био мутав
ко Данте
или Петрарка!

150 000 000. Поэма

[Фрагмент]

«Голоса людские,
зверьи голоса,
рёв рек
ввысь славословием вьем.
Пойте все и все слушайте
мира торжественный реквием.

Вам, давнишние,
года проголодавшие,
о рае сегодняшнем раструбливая весть,
вам,
миллионолетию давшие
петь,
пить,
есть.
Вам, женщины,
рождённые под горностаевые
мантии,

тело в лохмотья рядя,
падавшие замертво,
за хлебом простаивая
в неисчислимых очередях.

Вам,
легионы жидкокостных детей,
толпы искривлённой голодом молодежи,
те, кто дожили до чего-то,

и те,
кто ни до чего не дожил.

Вам,
звери,
рёбрами сквозя,
забывшие о съеденном людьми овсе,
работавшие, кого-то и что-то возя,
пока исхлестанные не падали совсем.
Вам,
расстрелянные на баррикадах духа,
чтоб дни сегодняшние были пропеты,
будущее ловившие в ненасытное ухо,
маляры,

певцы,
поэты.

150 000 000. Поема

[Фрагмент]

«Гласови људски,
звериња гласови,
хук речни
у славословљу нек се увис вије.
Појте сви и сви слушајте
света свечани реквијем.

Вама, што давно сте настали,
лета одгладовали
о рају данашњем раструбљујућ вест,
вама,
хиљадугођу што сте дали
певати,
пити,
јести.

Вама, жене,
за крзна хермелина
што сте се рађале,
тело у крпе китећи,
намртво попададе,
за хлеб у редовима
безбројним дреждећи.
Вама,

рахитичне деце легиони,
омладине масе што глађу нагрђене осташе,
они, што доживеше нешто,
и они,
који ништа не дочекаше.

Вама,
звери,
ребара низови ходећи,
што заборависте како се људи житом госте,
што сав живот проведосте неког возећи,
док бичевани сасвим не падосте.
Вама,
пострељаним на барикадама духа
да нам данашње дане песме посете,
што ловисте будућност неситошћу уха,
сликари,
појци,
поете.

80

В. Маяковский

Я хочу
быть понят моей страной,
а не буду понят, —
что ж,
по родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь.

Хоћу
да ме моја земља схвати,
не схвати ли —
шта се може, ништа више,
преко своје родне груди,
ја ћу оваш прошетати,
ко кад лину
косе кише.

BAHAZAP INTERPRES